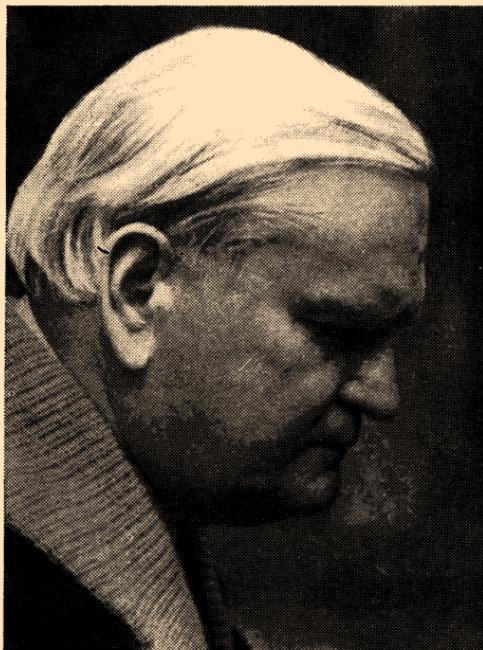

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 22

1965

Антанас ВЕНЦЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ...

Антанас ВЕНЦЛОВА

ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ...

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

Перевел с литовского Леонид Миль.

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1965

Антанас ВЕНЦЛОВА

Антанас Томасович Венцлова родился в 1906 году в Южной Литве в семье крестьянина. В 1932 году окончил историко-филологический факультет Каунасского университета. Ряд лет был учителем в средних школах.

После свержения фашистской власти в Литве в 1940 году А. Венцлова избирается депутатом Народного сейма Литвы, а затем — депутатом Верховного Совета СССР; в Верховный Совет СССР переизбран в 1946, 1950, 1954 и в 1958 годах. В течение нескольких лет — народный комиссар и министр просвещения Литовской ССР. Во время Отечественной войны работал в Москве и в Литовском соединении Красной Армии. Член-корреспондент Академии наук Литовской ССР. В 1954—1959 годах — председатель правления Союза советских писателей Литвы. А. Венцлова состоял членом Советского Комитета Мира.

Литературную работу начал в 1925 году. Издал несколько десятков книг: романов, рассказов, очерков, сборников стихов, литературоведческих работ. Основные произведения: романы «Дружба» (1936) и «День рождения» (1959), книга рассказов «Ночь» (1939), автобиографическая повесть «Весенняя река» (1964), сборники стихов: «Там, где яблоня высокая» (1945), «Молодость страны» (1948), «Избранное» (1950), «Земля хорошая» (1963) и «Ты знаешь край» (1964), очерки — «Путешествие по Китаю» (1955) и «Серебро севера» (1962), книги критических статей — «Время и писатели» (1958) и «Ветер эпохи» (1962). Книжки А. Венцловы изданы на русском и на других языках. За сборник стихов «Избранное» ему присуждена Государственная премия СССР, а за роман «День рождения» — Государственная премия Литовской ССР.

С 1950 года А. Венцлова — член КПСС.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны второй степени, медалью «За отвагу».

* * *

Озарите мою песню,
вечных ледников кристаллы,
изумрудные долины,
родников напевный звон,
море, мерными волнами
накрывающее скалы,
скалы, в разноцветных бликах
вновь растущие из волн.

Озарите мою песню,
Микеланджело величье,
обаянье Рафаэля,
сумрачная красота
густо-золотых мозаик —
все, чему не быть добычей
дряхлости и увяданья,
не исчезнуть никогда.

Озарите мою песню,
виноградник щедрой гроздью,
вы, пропитанные потом
пашни, пышные луга,
хлебец сладкий, сыр соленый
и протянутая гостю
загорелая, в мозолях,
друга теплая рука.

Озарите мою песню,
живость итальянской речи,
темные глаза и губы,
излучающие свет,
удивительные лица,
неожиданные встречи

с теми, чье рукопожатье
в сердце оставляет след.

Вновь зовут к себе и манят
голубые Апеннины,
ветер трепетный и нежный,
в жгучий зной вина глоток...
Край прекрасный, твой прообраз —
вырвавшийся из теснины,
новое избравший русло
сильный, радостный поток!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕЗРАБОТНОГО ОЛИВИО МАРМОТТО

Был безработным
Оливио Мармотто.
Мимо труб фабричных,
мимо роцц оливковых —
не автобусом,
не поездом,
не самолетом —
на своих двоих
передвигался Оливио.

Много дорог
уже было пройдено.
Грунтовых,
асфальтовых,
булыжных.
Далеко на юге
осталась родина,
недобрая родина —
без макарон,
без крыши.

Был Оливио и с виду горемыкой.
Жизнь
чересчур уж
стегала плеткой.

На ночевку
 устраиваться
 привык он
где-нибудь под мостом,
 а повезет —
 под лодкой.
Ночью снилось ему:
 на службе по горло занят
и никого нет
 красивей его
 и сытей.

Днем,
 прохожих обшаривая
 голодными глазами,
он шлялся
 возле мастерских
 и гаражей.

С великолепной архитектурой севера ознакомься —
меж Ливорно
 и Миланом
 не найдя работы,—
берегом живописного озера Комо
перебрался
 в Швейцарию
 безработный Мармотто.

И вот
 чуть живой
 он бродит по улицам.
Городок вокруг —
 чистенький,
 приодетый.

И думает Оливио:
 «Мечта моя
 сбудется!»
Подходят к концу
 скитанья
 и беды».

Однако
 для нарядного
 курортного города
не очень подходящее
 у Оливио
 обличье.

Поэтому
 на Мармотто
 довольно скоро
 обратила внимание
 пограничная полиция.
 — Ты откуда взялся?
 — Удрал из Генуи.
 Лепрозорий там
 знаете?
 Надоело лечиться.
 Перепуганные полицейские
 погнажи мгновенно
 Оливио
 в самую окраинную больницу,

 И вот
 в больнице Мармотто.
 Изолированная палата.
 В окошечко
 аккуратно
 подают еду.
 И зажил Оливио,
 словно в собственном палаццо,
 забыв
 про все мытарства
 и нищету.
 Еды —
 вдоволь.
 Сна —
 вдоволь.
 Начал он
 в тело входить быстро.
 И ест он,
 и спит он,
 как парень здоровый,
 и выглядеть стал
 не хуже
 иного капиталиста.

 И в конце концов
 доктор,
 господин Белотто,
 нашел
 прежний диагноз
 нелепым.

Установил он,
что здоров Оливио Мармотто
и сроду
проказою
болен не был.

— Ай-я-яй! —
сказал
господин доктор
удрученно.—

Душа твоя,
Оливио,—
безнравственности омут!
Причинил ты убытки
властям кантона,
и не миновать тебе
казенного дома!

И в тот же день
у Оливио в палате
появился полицейский
в белом халате,
появился
и сразу же
вскричал зычно:

— Мармотто!
Вставайте!
Арестовать вас приказано!
И подумал Оливио,
к нищете привычный:
«Ни черта у меня нету!
Даже проказы...»

У тюрьмы
он остановился
с поднятым к небу кулаком,
словно
всему
«свободному миру»

угрожая.
Заскрежетав,
распахнулись ворота.
Потом
были
прочно заперты
сторожами.

У ГРОБНИЦЫ СВ. АНТОНИО В ПАДУЕ

Торквато Тассо и Петрарка,
Мантенья, вдохновенный Джотто
в бессмертье шли под этой аркой
у беломраморного грота...

Над ближней крышей возникает
пылающая долька солнца.
Как здесь свежо! Лазурь какая
на землю мимо храма льется!

Но вот взлетают к небу гимны
и в чудо заклинают верить.
И поспешают пилигримы
в объятия двустворной двери.

Здесь, в этой мраморной гробнице,
мирского не познав забвенья,
святой Антонио хранится,
герой молитв и песнопений.

Песеты, марки, франки, центы
бегут струею монопольной.
И радость заполняет сердце.
И губы заняты молитвой.

И, сливки жирные снимая,
кружит отнюдь не в поднебесье
толпа воистину земная
архиплотов и архибестий.

Молитвенники, медальоны,
иконы, четки, сувениры...
Всучат здесь самого Антонио
в обмен на доллары да лиры.

Трудами заняты своими
они во имя лучшей жизни
и, разумеется, во имя
любви к всевышнему и ближним.

А выручка с холодным звоном
на плиты погребов ложится.
Колышется под строгим сводом,
дымит кадило у гробницы,

плывет, маячит в тусклом свете...
И спит святой, и спит рассудок,
Цветы сюда приносят дети.
Им хочется увидеть чудо.

БАЛЛАДА О ГАЛИЛЕЕ

Тонет в сумраке галерея.
От лампы лишь дым и чад.
Все же юного Галилея
к ней прикован пытливый взгляд.

В этом робком мерцании света
перед ним, потрясенным, вдруг
описала наша планета
свой великий, просторный круг.

О присущая юным дерзость,
ты порой подспорье уму...
Годы шли, и на помощь зрелость
торопилась уже к нему.

Все корпел он в Падуе тесной.
Но уже всполошился Рим,
но над Сеною, но над Темзой
уже бредило эхо им!

Зашушукались церковь и власти.
Вихрь среди пестрых плащей и сутан!
И пред дерзким астрономом настезь
распахнулись двери суда.

— Мы стоим на земле неподвижной! —
Возопил инквизиторов хор.
— Ты восстал против мудрости вышней,
грешник, гибель тебе и позор!

Распирало от злобы обитель.
И в ответ: — Не моя в том вина,
но, хотите ли вы, не хотите ль,
вместе с вами вертится она!

**В СИКСТИНСКОЙ КАПЕЛЛЕ
ВОЗЛЕ «СОТВОРЕНИЯ АДАМА»
МИКЕЛАНДЖЕЛО**

Я не уверен, сыщется ль на свете
лицо такой же чудной красоты
среди кладовых и тайников столетий.

Оно нежней, чем на заре цветы,
оно еще для жизни не созрело,
как будущие люди, как мечты.

С ресниц слеза ни разу не слетела.
Ладони не ласкали никогда
ни женского, ни девичьего тела.

Пунцовы щеки, но не от стыда.
Чело открыто, но еще печали
не отпечатали на нем следа.

Ни едкой зависти не излучали,
ни гнева лучезарные глаза.

Сомненья этот взор не увлекали
в свои, как ночь, дремучие леса.
Лицо мечты. Ее смогу ль воспеть я?
На миг в ее подняться небеса?

...Слагают вечность судьбы и столетья.
И поросль новая встает людей.

Они взрастут — прекрасные соцветья,
чтоб сделать жизнь и чище и светлей.
На пустырях разместятся жилища,
придет в пустыни воинство полей,

потоков мутных углубятся днища,
меж берегами пролетят мосты,
забудутся навеки пепелища,
и огненными будут лишь хвосты
ракет, плывущих к островам-планетам
в бездонном океане высоты.

Мне ль, нынешнему, счет вести победам
твоих потомков, первый человек...

А может быть, ты, ужаснувшись бреду,
что станет явью, вскрикнешь: «Страшный век!
Он насмеялся над мечтами, смел их,
со смертью согласился, жизнь отверг!

Дымится пепел на просторах голых,
живет уже оседло пустота
в многотрадных городах и селах...»

Но нет! Не в первый раз грозит беда
людскому племени. Пред черной силой
оно поднимется, словно гряда,
чтобы не стать огромною могилой
той колыбели, где окрепла жизнь.
Твоя мечта не может быть бескрылой.
Уверенней в грядущее всмотрись.
Все поколения за него в ответе.
Не упадет слеза с твоих ресниц!

ОДНИМ МЕНЬШЕ

Дядя Сэм,
подобно кукушке,
в чужие гнезда
подбрасывает приплод:
«взрослеют»
бомбардировщики,
танки,
пушки,
не принося родителям
лишних хлопот.

И вот
Италия,
в небо глядя,
видит
вскормленных
на ее хлебах
шустрых птенцов заморского дяди,
кувыркающихся в облаках.
Танки все чаще —
а чем они хуже? —
резвятся
среди виноградников
и олив.

Пушкам
нужно порой,
поднатужась,
выплюнуть
застрявший в глотках взрыв.
А кормилица в унынье:
«Нет покоя и ночью,

Гнешь спину на них
от зари до зари,
а они
над душой
знай гудят
да грохочут.
Хоть бога,
хоть беса
на помощь зови!»
Вокруг —
городá
красоты редкой!
Ходишь —
и видишь сон наяву.
А ну как приспичит
затейливым деткам,
наигравшись в войну,
начать войну?..

...Утро.
Мы только что выехали из Пьембино.
Отсвечивает в море
лучистый восток.
Белые деревни,
зеленые долины
встречают,
провожают
лесами цветов.
И внезапно,
из другого мира словно,
возник над нами
реактивный самолет.

Умчался,
вернулся
и, воя злобно,
в каком-то исступленьи воздух сечет!
Клецом вращая
в чистое небо,
он грязнил его,
рвал,
кромсал!

И вдруг
заюлил,
затряся нелепо
и, на лету разваливаясь,
падать стал!

Закричали женщины,
пряча лица.
Был вполне понятен их страх.
Рухнуло
это «дитя зегзицы»
от автобуса
метрах
примерно
в двухстах.

Наш гид,
ладный
вихрастый парнишка,
всматриваясь
в рассеивающийся дым,
поморщился
и сказал:
— Этому
крышка!

Слава богу,
меньше одним!

ВЕРОНА

Полюбила Верона смех
невоинственных поколений.
А Монтекки и Капулетти
утихомирила смерть.

Розовеют отроги Альп.
Город в закате хрустален.
Вечером отчего печален
гибкой Адидже¹ альт?..

Вновь вьюнок взбегаёт к балконам
стремительно и дерзновенно,
вновь у ног Джульетты Ромео,
но разлука грозит влюбленным.

¹ Река.

Снова искренне возмущены
ненавистники счастья чужого.
Их клинки встречаются снова
и бряцают среди тишины.

За лазурью приходит ненастье.
И вот с неизбежностью в споре
уже затравлено счастье,
и поминки справляет горе.

Но когда любовь безмерна,
но когда любовь беззаветна,
убивают ее тщетно,
ибо она бессмертна!

Вновь вьюнок взбегает к балконам
стремительно и дерзновенно,
вновь у ног Джульетты Ромео,
и ничто не грозит влюбленным!

Эти руки, глаза и губы
и поныне друг другу любви,
из времен проступая мгlistых,
как цветы среди засохших листьев.

Вдохновенной мысли усилье —
и из плеч вырастают крылья,
и Ромео летит с Джульеттой
над замороженной планетой.

Над веками полет их длится,
и пылают от счастья лица.
Пустует любви гробница,—
ей приходится с этим мириться.

...Полюбила Верона смех
невоинственных поколений.
А Монтекки и Капулетти
утихомирила смерть.

РЕНАТО ГУТТУЗО

Никто не пройдет равнодушно мимо этих полотен, ибо на них — жизнь и борьба.

Вот открытое сердце Гарсиа Лорки, притягательное для пули.

Вот Альберто Моравиа — отличный писатель; он видит Вечный город таким, каков тот на самом деле, как живут вечные горожане, веселясь, скорбя, влюбляясь и вдруг умирая на самом деле.

Вот подростки, заведенно сучащие ногами в тратториях тесных.

А вот их сверстники в рудниках бредут полунагие, с корзинами серы на голове, пошатываются, ошавев от тяжести; подпирают шею узкие плечи, струйки пота к щуплым лодыжкам стекают, искривленные позвоночники — как бамбуковые удилица.

Вот натюрморт с глянцевым блеском свежесмытого салата.

Вот прачка, согнувшаяся над корытом; вот портниха, склонившаяся над швейной машиной; вот модница перед зеркалом, завершающая туалет.

Какой умелец этот Ренато!

Как живописует он женщин!

Идут они в толпе забастовщиков, привлекательные и страшные одновременно; вот беременные со спокойным взглядом; вот судомойка с острыми, высохшими костяшками пальцев — олицетворенная усталость; вот спящие женщины, юные и свежие, созревшие для того, чтоб ладони мужские наполнились ими.

Какой умелец этот Ренато!

Как монументален портрет простонародья Сицилии — крестьян, вразвалку шагающих утверждать свое право на землю вилами, заступами, топорами; сердца их — благодатная почва для нового сева! Они замечательно хороши собой, эти женщины и мужчины, лица их излучают достоинство и решимость. Многие несут на руках спящих младенцев, которые, возможно, видят во сне нечто лучшее, чем их родители наяву.

Рыбаки после лова ночного отдыхают на берегу перед лодком ночным.

Двух партизан, парня и девушки, открытые лица с ясными глазами, а напротив — суд, чье право и жизненная необходимость — присудить к лишению жизни. Как все-таки часто лишают жизни заслуживающих бессмертья! Эти руки, скрепленные девушкой на груди и свободно опущенные парнем, словно только что отложили раскалившееся оружие, чтобы дать

остынуть ему, и снова вскинуть, и снова взять на мушку фашизм...

Иду по картинной галерее, вглядываюсь в лица, смотрю, как натружены плечи и спины,— и вижу всю Италию.

Смотрю на изъеденные серой детские пальцы, на руки, твердо держащие красное знамя,— и вижу всю Италию.

Смотрю на труд, усталость, веселье, сон, смерть, любовь, шествие демонстрантов — и вижу всю Италию.

БОЛОНЬЯ

Вновь пройду здесь, когда день померкнет.

Снова в тусклых повторюсь оконцах.

Мимо мастерской пройду и церкви,
может быть,

похож на старого болонца,

запросто встречавшегося с Данте...

О Болонья! Жив твой день вчерашний,—

звонкие терцины и дисканты,

две

над площадью кренящиеся башни!..

О Болонья! И на расстоянье

осязаемо твое бессмертье...

Снова терпкий ветерок Романы,

тайн земных наперсник,

дразнит сердце..

В сумраке прозрачном

этот город,

будто кубок с голубым обводом.

Подношу к губам хрусталь, в котором
мириады искр

кружатся хороводом..

...О Болонья! Медленные ночи

нежно осеняют мостовые...

Не могу заснуть. Смотрю я в очи,

в очи города

живые,

колдовские...

А на третье утро
у дверей пансиона
уже целая толпа дожидалась!
— Гагарин!
— Дружба! —
скандировали увлеченно,
и просто замечательно
у них получалось!

Каждому
по Гагарину!
Каждому
по Титову!

Сколько улыбок!
Сколько теплых рук!
Беседовали.
И один понимал другого,
потому что
с другом
беседовал друг,
потому что,
в торжество
мечты своей
веря,
мы все
прозревали
впереди
коммунизма
желанный берег,
цель,
к которой нам
по пути!

Брожу по Милану —
весь
вниманье.
Многое здесь
мне
нравится очень.
Но лучшим воспоминанием
о Милане
для меня
останется
встреча с рабочими.

САНТА КРОЧЕ ВО ФЛОРЕНЦИИ

Знобит огоньки в капелле...
Здесь жизнь поистине брэнна,
здесь,
где Микеланджело,
Галилей,
Макиавелли
в плену у тлена...

Безмолвна гробница Россини.
Но чьи
мне душу вдруг оросили
серебряных звуков ручки?!

О, если бы видеть зорче
и знать, что у этой ниши
еще раз в тиши Санта Кроче
рыдание Данте услышу!..

Грустят над унылым кровом
белые серафимы.
Пройду ль здесь когда-нибудь снова,
той же грустью томимый,

чтобы у праха творцов
ликующих звуков, речений, линий
под бронзовой сенью
«Персея» Челлини

опять испытать это чувство —
благоговейно смотреть,
как побеждает искусство
время,
пространство,
смерть?..

ОЗЕРО КОМО

Безмятежное Комо блистало
в желтом блюде с зеленой каймой.
Островки, словно грани кристалла,
загорались над кроткой волной.

Когда
прикатил наш автобус,
все ахнули!
Ежившиеся на солнцепеке старички затараторили!
Изумившиеся
священники
и монахини
притормозили
велосипеды
и мотороллеры.

Ведь это же неслыханнейшая сенсация! —
Во Фьянте Романо,
представьте себе только,
прибыла
автобусом
иностранная
делегация,
да еще не евхаристов¹,
не католиков...

Стали подходить к нам
местные рабочие.
И вскоре
уже кипел на площади
весь Фьянте Романо,
словно улей развороченный,—
взрослые,
подростки
и даже новорожденные!

Священники и монахини поспешно отчалили,
выплеснув
ушат
сокровеннейших проклятий.
А торжествующие «грешники»
аплодировали
и кричали:
— Вива л'Юнионе Советика!
Вива Тольятти!

На смуглых лицах —
улыбок вспышки.

¹ Здесь в смысле, — чрезвычайно набожные католики.

Яблоки —
 ядрами,
 сыры —
 колоссами,
пироги —
 приземлившиеся небесные светила —
и бутылки с хмельным,
 украшенные колосьями!

Хлопочут хозяйки,
 радушно угощают.
Чудесные женщины
 во Фьянте Романо!
Зубы сверкают,
 глаза мерцают,
до чего ж хороши —
 смуглы
 и румяны!

Не неженки-куклы.
 Налитые груди.
Круглые бедра.
 Плечи крутые.
Под стать рабочим
 их подруги.
К слову,
 и руки у них золотые!
— Будьте как дома!
 Не обессудьте! —
Не устают
 хозяйюшки
 потчевать.
Глаза смеются,
 зубы смеются:
— Мы —
 друзья!
 Мы —
 рабочие!

Взгляды и жесты.
 Шутки и речи.
«Бандьера росса»
 звенит неустанно.

Тицианом вам отдано небо,
Веронезе дана вам земля.

Как прекрасно увериться утром
в том, что воздух за ставнем пьянит,
что распахнутым пестрым уютом
вновь таверна тебя полонит!

...Словно хрупкая девичья прелесть,
венецейское меркнет стекло.
Пусть в стихах, что в него загляделись,
день-другой остается светло...

ВОЗЛЕ МИЛАНСКОГО СОБОРА

*...собор этот являет собой зрелище
чарующее, ни с чем в мире не
сравнимое.*

Стендаль

Я наблюдал, как в лунном свете
сквозная эта белизна
пучками мраморных соцветий
вросла в ночные небеса.

А днем опять пришел сюда я.
Стоял с притихшею душой.
Парила стройных звуков стая
и зримо стлалась надо мной.

Звучала в голосе органа
та вера в торжество мечты,
что понял я: под своды храма
придешь и ты, придешь и ты.

Не помню, коротко ли, долго ль
я ждал под узким витражом.
Но ты пришла. И чуть поодаль
остановилась. Мы вдвоем.

А мир вокруг необитаем,
и холоден гудящий свод,

как небо над убогим краем,
где только отсветы и лед.

Стою наедине со счастьем.
Иду с ним через лес колонн
туда, где пурпуром ярчайшим
торжественный залит фронтон.

И вслед сквозь стены устремится
мелодия все та же к нам,
чтобы помочь осуществиться
и мыслям, и мечтам, и снам.

Свершится лучшее из таинств.
И возвестят колокола.
Помчатся улицы, сплетаясь,
как годы, судьбы и дела...

И вновь струящиеся нити
оденут в призрачный убор
всю эту звонкую обитель —
витавший в облаках собор.

НА ЭКРАНЕ

Я их видел и прежде,
смешливых и грустных,

И теперь,
не узнав,
мимо них не пройду.

Этот
тяжким недугом к постели приплюснут,
Тот
преследует призраков,
словно в бреду.

Бесподобные парни,
развалясь беззаботно,
распивают коктейли.
Рекламы визжат.

На асфальт
с черепицы
слетел безработный,

и полиция
рьяно разгоняет зевак.

Набожной проститутке
внимает сочувственно
старенькое распятые.
О чем она просит?

Обещает
зажечь пребольшую свечу она,
только пусть небеса
возвратят ей матроса.
А матрос не вернулся.
А матрос отвернулся.

С нею вместе
одну только ночь разменял.
И опять ей
распятые
предлагает объятья.
И никто не поможет,
разве что люминал.

Сочетает священник
благонравных влюбленных.
А в шикарных притонах
до рассвета запарка.
И, от скуки томясь,
увязают мадонны
в багровеющем иле
осеннего парка.

Чередуются виды.
Горы.
Безлюдье.
Вновь долины.
Голодные лица крестьян.
Мятежи вызревают
на полях латифундий,
В челюстях у пожара
усадыбы хрустят.

...Когда вечер
неоном себя разрисует,
я вхожу в кинозал
и в его полутьме

вновь слежу
 за развитием событий и судеб
на глубоком
 пульсирующем
 полотне.

Те же самые лица.
 Как мерзок Бонфильо!
Как прекрасна Лючия!
 Это все документ!
Это все продолжается
 за пределами фильма,
и по-прежнему
 мира под оливами нет.
Вот Антонио Риччи
 с поличным схватили.
И сынок его Бруно
 семенит за ним следом,
Кинозал
 или улица?
 Жизнь это
 или

вновь смотрю
 «Похитители велосипедов»?
Пляшет Лоллобриджида.
 Плачет Анна Маньяни.
Сорди глаз продает.
 В этом мире царят
бизнесмены,
 бандиты,
 извращенцы,
 маньяки,—
все,
 которые лирами густо сорят!

Кто повинен
 в несчастьях Джульетты Мазини?
В этом мире проклятом
 все скрепляется злом!
Чудаки,
 легковеры,
 простофили,
 мазилы,
все пинки и побои
 вам поделом!

завернуть туда,
где в лачугах бедность
сотни лет ютится,
где на старом рынке
шум и суета,

где струится кьянти
из пузатых бочек,
где друзей надежных
встречу я опять.
Вновь хочу «Бандьеру»
петь в толпе рабочих,
с ними свежий номер
«Унитá» листать.

Я хочу подняться
вновь на Капитолий,
набережной Тибра
по камням седым
вновь пройти и видеть,
как, мерцая, тонет
в поздний час вечерний
в теплых струях Рим,

как в лучах неона
светится рисунок —
арок и фонтанов
грандиозный лес,
как тончайшей тканью
прикрывает сумрак
весь гудящий город,
чудо из чудес!

В яркие наряды
облеклись деревья,
озарили город
блеском золотым.
Приношу монету
в дар фонтану Треви,
чтобы нам еще раз
повстречаться, Рим!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Озарите мою песню...»	3
Приключения безработного Оливии Мармотто	4
У гробницы св. Антонио в Падуе	8
Баллада о Галилее	9
В Сикстинской капелле возле «Сотворения Адама» Микеланджело	10
Одним меньше	11
Верона	13
Ренато Гуттузо	15
Болонья	16
Почему мне понравился Милан	17
Санта Кроче во Флоренции	20
Озеро Комо	20
Фьянте Романо	21
Венеция	25
Возле Миланского собора	26
На экране	27
А риведерчи, Рома!	30

Антанас Томасович Венцлова

ТЫ ЗНАЕШЬ КРАИ..

Редактор — П. КРАВЧЕНКО

А 02018. Подписано к печати 12/VI 1965 г. Тираж 93 100. Изд. № 1149.

Зак. 1036. Формат бум. 70 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 1. Условн. печ. л. 1,37.

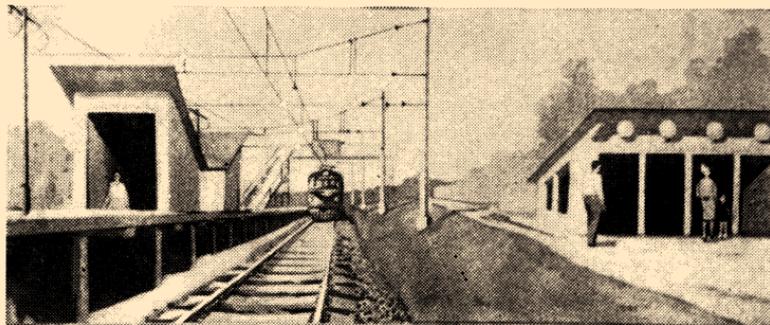
Цена 4 коп.

**Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.**

Цена 4 коп.

Индекс 70 668

*Пользуйтесь
мостами
и тоннелями*

ПЕРЕХОДИТЬ ПУТИ В ДРУГИХ МЕСТАХ

запрещается